

Всеволод Кузнецов, Любовь Нерушева (Винница)

«ПОЛ – ВСЕГДА ЦЕНТР...»

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Vsevolod Kuznetsov, Lubov Nerusheva (Vinnytsia)

”Sex is always the center...” Philosophy of Love by V. V. Rosanov

This paper is dedicated to V. V. Rosanov views on the issue of sexual love. Analyzing the system of Rosanov’s notions of the God, nature and sex, authors show how the philosopher is trying to create pansexualistic quasireligious doctrine versus Christianity. The thinker is referred to as a radical ideologist of mystical-erotic revolution and a mouth-piece of peculiar to Russian culture trend towards the construction of a national religion..

Розанов с гениальной откровенностью и искренностью заявил во всеуслышание, что половой вопрос – самый важный в жизни...

Н. Бердяев

Данная публикация является прямым и непосредственным продолжением нашей статьи «Серебряный век как эпоха мистико-эротической революции», в которой мы предложили свой вариант типологии серебряновечной философии любви и выделили три основных типа эротического философствования – *утверждающий*, *сублимирующий* и *утверждающе-сублимирующий* [Кузнецов, 2007/2008: с. 217–218]. Теперь речь пойдет о наполнении нашей схемы конкретным содержанием.

Начнем мы с *утверждающего* типа. В качестве примера нами уже избран Розанов [Кузнецов, 2007/2008: с. 217] – наиболее достойный (в смысле последовательности, силы и полноты утверждения человеческой любви) представитель этого направления русской философии любви.

© В. Кузнецов, Л. Нерушева, 2010

Розанов посвятил всего себя служению земному Эросу. Как верно отмечает С. Р. Федякин, «центральный пункт его метафизики – мистика пола, т. е. пол как некая космическая величина, в которой берут свое начало человеческая история, разные виды религий (особенно много внимания Розанов уделял постижению “тайн” иудаизма и критике христианства как религии страдания, печали и смерти), состояние семьи и общества» [Русская философия, 2007: с. 469]. Свой эротизм Розанов стремился выразить не только творчеством, но и всей жизнью. Любовь была дорога ему в самых разных обликах. Б. Парамонов пишет: «Розанов и сам был вроде как ребенок – так сказать, полиморфно-перверсен. Его любовью пользовалось все живое, независимо от пола и даже биологического вида. Он однажды написал, что человек потому и царь природы, что способен к скотоложеству. “Либидинозны” все реакции Розанова, все его выходы в мир. Андрей Белый вспоминает в мемуарах, что Розанов, разговаривая с молодой женщиной, даже на литературные темы, даже на людях, мог пощупать ее грудь. Допустим, это анекдот; но ведь рассказывалось это именно о Розанове, и только о Розанове» [Парамонов].

Любовь для Розанова всегда вполне конкретное земное чувство. Поэтому он достаточно редко пускается в отвлеченные философские рассуждения, но пишет о том, что испытывают он сам и другие вполне реальные люди. Он все время стремится исповедаться (и потому справедливо Т. П. Буслакова назвала его «летописцем собственного самовыражения» [Русские писатели, 1990: с. 196]). Например: «Все же именно *любовь* меня не обманывала. Обманулся в вере, в цивилизации, в литературе. В людях вообще. Но те два человека, которые меня любили, – я в них не обманулся никогда. И не то, чтобы *мне было хорошо* от любви их, вовсе нет: но жажда видеть *идеальное, правдивое* – вечна в человеке. В двух этих привязанных к себе людях (“друге” и Юлии) я и увидел правду, на которой не было “ущерба луны”, – и на светозарном лице их я вообще не подметил ни одной моральной “морщины”. *Если бы я сам был таков* – моя жизнь была бы полна и я был бы *совершенно счастлив*, без конституции, без литературы и без красивого лица» [Розанов, 1990с: с. 126]. Его определения любви частенько весьма банальны (что, впрочем, не уменьшает их верности и точности): «Любить – значит “не могу без тебя быть”, “мне тяжело без тебя”; “езде скучно, где не ты”. Это внешнее описание, но самое точное. Любовь вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней “дышится легко”. Вот и все» [Розанов, 1990с: с. 210].

Но есть у Розанова и более теоретичные рассуждения. В предыдущей статье уже приводился фрагмент, в котором любовь оценивается как «на земле единственное “в себе самом *истинное*”» [Кузнецов, 2007/2008: с. 217; Розанов, 1990с: с. 66]. Истина осознается в качестве простой противоположности лжи: «Любовь исключает *ложь*: первое “я солгал” означает: “Я уже *не люблю*”, “Я *меньше люблю*”. Гаснет любовь – и гаснет истина. Поэтому “истинствовать на земле” – значит постоянно и истинно любить» [Розанов,

1990с: с. 66]. Впрочем, только противопоставлением «истина – ложь» философ не ограничивается. Истина есть приобщенность к некоему идеалу, к неким нравственным ценностям, отсутствие «моральных морщин». Истина любви есть также «естина» – бытие. Последняя характеристика любви выясняется при исследовании ее извращенной формы – проституции. В проституции отсутствует какая бы то ни было истинность. Поэтому она тождественна небытию: «Несмотря на важность проституции, однако в каком-то отношении мне неясном, – они суть действительно “погибшие создания”, как бы погаснувшие души. И суть действительно – “небытие”; “не существуют”, а только кажется, что они – “есть”» [Розанов, 1990с: с. 234].

Отождествление истины и любви обуславливает специфику розановской гносеологии, верно схваченную В. А. Кувакиным. У Розанова критерии истины «становятся полуэстетическими и полуфизиологическими. Подлинная истина – это то, что связано с “любованием”, с чем “тепло” и “хорошо”, с неистинным же, напротив, “холодно”, “голодно”, “не вкусно”. Даже вера, в аспекте гносеологическом, становится подлинной и “прозревающей”, если это – “сладкая вера, физиологически сладкая”. [...] Истина есть то, что произрастает, что рождается, что имеет в себе “семя” и что, по мнению Розанова, тем самым уже религиозно освящено» [Кувакин, 1980: с. 66].

Онтологически любовь первичней Бога. «Будь крепок любви – и Бог тебя благословит. Ибо любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь» [Розанов, 1990с: с. 125]. В любви – смысл человеческого существования. Любовь – предназначение человека. Высшие силы воздают за исполнение или неисполнение этого предназначения. «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете» [Розанов, 1990с: с. 158]. Кстати, и сама идея бессмертия души производна от любви: «*Может быть, даже и нет идеи бессмертия души, но есть чувство бессмертия души, и проистекает оно из любви.* [...] Так из великой *космологической тоски* (ибо тоска-то эта *космологическая*) при разлуке в смерти – получается, что “за гробом встретимся”» [Розанов, 1990с: с. 140]. Собственно, речь идет не только о чистой идее, но о весомом доказательстве реальности посмертия. Бессмертие души должно быть, потому что без него любовь несовершенна, неполна, неистинна – просто невозможна. А коль скоро любовь есть и истинствует, следовательно, существует и бессмертие души.

Отрывок о бессмертии души демонстрирует одну сущностную особенность розановской метафизики. Это – метафизика жизни. И очень часто – метафизика повседневной жизни. Самые запредельные, экзистенциальные, последние истины тождественны в ней самым обыденным жизненным проявлениям, обнаруживаются через них: «Самое *существенное* – просто *действительность*» [Розанов, 1990с: с. 169]. Любовь, бессмертие и прочие великие вещи оказываются в одном ряду с «я ем – чтобы жить», «вода течет», «огонь жжет», «хлеб сытит» [Розанов, 1990с: с. 140]. Отсюда, собст-

венно, и все многочисленные банальности, произносимые в адрес любви. Именно в «банальностях» скрыта глубочайшая эротическая метафизика.

Подобная логика поразительно напоминает логику чань: «Как-то раз Линьци [...] спал на скамье в монастырской обители. Его учитель Хуанбо, чтобы разбудить Линьци, постучал по лавке. Открыв глаза, ученик лишь взглянул на учителя и снова уснул. Хуанбо решил разыскать старшего монаха и нашел его созерцающим в предназначенном для этой цели зале. Учитель приблизился к монаху и сказал: ”Тот парень на скамье действительно практикует чань; а вот о каких пустяках размышляешь ты?”» [Вон Кью-Кит, 1999: с. 5]. И эту логику, столь близкую китайской, мы встречаем не у одного лишь Розанова. Таким образом, философия Розанова находится в русле магистральной тенденции русской культуры – тенденции к сведению воедино всех уровней универсума и отождествлению их с земным уровнем. При этом сам земной уровень перестает быть просто физическим (его чистая физичность – иллюзия, аберрация восприятия), но становится метафизическим или, в крайнем случае, физически-метафизическим (наиболее близкая параллель: махаянистское «сансара и есть нирвана»).

Половая любовь, по Розанову, космична. Но она же является источником всякой гармонии и всякого единства в общественной жизни. Она служит и источником всеобщей любви: «Да как же без amor utriusque sexus обошлось бы дело? Как же бы мы могли начать относиться к *своим* (noster sexus) с тою милovidностью, с тою ласковостью, с тою нежностью, с какою обычно и *по природе* относимся к противоположному полу, к alter sexus?.. без чего нет глубины отношения, а без amor nostri sexus нет *закругленности* отношения. Universaliter debet amor mundi. Но тогда явно ласка должна простираться туда и – сюда. Таким образом, действительно удивительная приспособленность к этому in natura rerum – получает свое объяснение. *Организм индивидуума поразительно гармонизирует, “созвучит”, организму человечества*» [Розанов, 1990с: с. 302].

Вполне в духе Платона, Розанов трактует любовь как стремление к целостности: «Любовь всегда – к тому, чего “особенно недостает мне”, жаждущему» [Розанов, 1990с: с. 133]. На пути к целостности возникает единство любящих: «Только такая любовь к человеку есть настоящая, не преуменьшенная против существа любви и ее задачи, – где любящий совершенно не отделяет себя в мысли и не разделяется как бы в самой крови и нервах от любимого» [Розанов, 1990с: с. 219]. Достигается единство через полную самоотдачу: «Любовь есть совершенная отдача себя другому. “Меня” уже нет, а “все – твое”» [Розанов, 1990с: с. 296]. Самоотдача должна быть взаимной. Влюбленные постоянно обмениваются собой друг с другом. Но любовь также единство противоположностей. Если в ходе обмена собой противоположности стираются, любовь угасает. Ведь отдавать другому должно и возможно то, чего этому другому не хватает, что восполняет его. Нет разности – нет и восполнения: «Любовь есть взаимное пожирание,

поглощение. Любовь – это всегда обмен – души-тела. Поэтому, когда *нечему* обмениваться, любовь погасает. И она *всегда* погасает по одной причине: исчерпанности матерьяла для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, схождения-тождества когда-то *любивших и разных*» [Розанов, 1990с: с. 133].

Любовь душетелесна: «Она есть жаждание души тела (т. е. души, коей проявлением служит тело)» [Розанов, 1990с]. Иначе и быть не может: «Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела» [Розанов, 1990с: с. 181]. Характерно, что здесь явно наблюдается стремление вывести на первый план телесность (тело – начало и корень духа).

Душетелесность с телом на первом плане напрочь исключает аскетизм. Розанов зло высмеивает проповедников последнего:

«Семь старцев за 60 лет, у которых не поднимается голова, не поднимаются руки, вообще ничего не “поднимается”, и едва шевелятся челюсти, когда они жуют, – видите ли, не “посягают на женщину” уже, и предаются безбрачию.

Такое удовольствие для отечества и радость Небесам.

Все удивляются на старцев:

– Они в самом деле не посягают, ни явно, ни тайно.

И славословят их. И возвеличили их. И украсили их. “Живые боги на земле”.

Старцы жуют кашку и улыбаются:

– Мы действительно не посягаем. В вечный образец дев 17-ти лет и юношей 23-х лет, – которые могут нашим примером вдохновиться, как им удерживаться от похоти и не впасть в блуд.

Так весело, что планета затанцует» [Розанов, 1990с: с. 103].

Воздержание естественно только тогда, когда соответствующие функции организма угасти с возрастом. Девство и монашество в возрасте, пригодном для плотской любви, вызывают у Розанова весьма специфические ассоциации: «Человек ест дни, недели, месяцы: нельзя сходить “кой-куда”, – нужно все держать в себе...» [Розанов, 1990с: с. 102]. Для молодых, полных жизненных сил, цветущих аскетизм есть смерть. Суть воздержания – «просто никуда “не ходи”, когда желудок, кишки, все внутренности расперты и мозг отравлен мочевиною, всасывающейся в кровь, когда желудок отравлен птомаинами, когда начинается некроз тканей всего организма» [Розанов, 1990с: с. 103].

Еще больше, чем проблема любви, занимает Розанова проблема пола. Пол связан с Богом, и «связь пола с Богом – большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, – выступает из того, что все а-сексуалисты обнаруживают себя и а-теистами» [Розанов, 1990с: с. 59]. Связь эта держится на том, что пол укоренен в божественной природе: Бог двупол. Человек, сотворенный по образу и подобию Божьему, неминуемо должен разделяться

на два пола. «Я все сбиваюсь говорить, по-старому, “Бог”, когда давно надо говорить *Боги*; ибо ведь их *два*, Эло-*гим*, а не Эло-*ах* (ед. число). Пора оставлять эту наваянную нам богословским недомыслием ошибку. Два Бога – *мужская* сторона Его, и сторона – *женская*. Эта последняя есть та “Вечная Женственность”, мировая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. “По образу и подобию Богов (Элогим) сотворенное” все и стало или “мужем” или “женою”, “самкою” или “самцом”, от яблони и до человека. “Девочки” – конечно в Отца Небесного, а мальчики – в Матерь Вселенной! Как и у людей: дочери – в отца, сыновья – в мать» [Розанов, 1990а: с. 31]. Та же мысль – в «Апокалипсисе нашего времени»: «Ибо сказано, что сотворена была Вселенная от Элогим (двойственное число Имени Божия, употребленное в рассказе Библии о сотворении мира), а не от Элоах (единственное число); что божеств – *два*, а не *одно*: “по образу и подобию которых – *мужем и женою сотворил Бог и человека*”» [Розанов, 1990с: с. 409].

Отталкиваясь от ветхозаветного текста, Розанов неосознанно возвращается к основному восточнославянскому мифу, в котором сотворение мира связано с разделением божественного андрогина на мужское и женское начала. Специфическое понимание отношений Бога и мира в розановской метафизике также обусловлено тайным воздействием языческих мифологем.

В. А. Кувакин пишет: «[...] Онтологический аспект его построений носит специфически окрашенный пантеистический характер [...] Пантеизм Розанова совершенно своеобразный, не связанный с традицией пантеизма западноевропейского. Признавая бога и божественность мира, земли, он не отождествляет бога с природой, а усматривает единство бога и мира через пол, через акты рождения и “соединения”. [...] Рождение, по Розанову, – это таинственный и непостижимый, восходящий к богу и религиозно освященный акт. Причем понятия рождения, соединения, совокупления и т. п. оказываются однопорядковыми. Ими охватывается все – “от соединения водорода с углеродом” до “соединения мужчины и женщины”. Таким образом, эта пантеизация мира была весьма необычной, ибо была неотделима от его пансексуализации. Или, иначе говоря, происходила “теизация” пола и “сексуализация” теизма. Пантеизм Розанова можно определить как мистический пантеизм с сильными мотивами креационизма, преформизма и сексуализма» [Кувакин, 1980: с. 64]. И далее: «Вся религиозная космогония Розанова [...] целиком вращается вокруг проблемы пола и животного переживаемого акта рождения. Этим определяются и центральные категории, на которых основывается эта космогония, – “семя”, “зерно”, “пол”. [...] Миры органический и животный, включая человека, существуют, по его мнению, через произрастание “половых семян” как “капель метафизического существа”» [Кувакин, 1980: с. 65]. Следует отметить, что в розановских вариациях на тему основного мифа акцентируется не борьба женского и мужского начал, а их соединение, слияние.

Пол тождествен самой жизни (а жизнь, как мы помним, может отождествляться с Богом): «Жизнь. Она начинается там, где в существах возникают половые различия; и эти последние начинаются там, где появляется жизнь. Растения – и те не лишены пола, но совершенно лишены – камни. Глубоко поэтому, и как бы выявляет мысль всей природы, наименование подруги первого человека “Евою”, что значит одновременно и “женщина” и “жизнь”: т. е. указывает, что “женщина” – это и есть “жизнь”, что в ее половых отличиях, и соответственно, конечно, в половых различиях ее друга, и лежит тончайший субъективный нерв жизни» [Розанов, 1992: с. 164].

В человеке есть дневная и ночная стороны. Дневная связана со всяческими посюсторонними ориентациями, ею человек укореняется в земном мире. Ночная же скрывает в себе трансцендентную сущность человека. Ночной стороне как раз и принадлежит пол: «Пол – это начинающаяся ночь в самой организации человека: в том смысле, что ясно анатомическое и сухо анатомическое его расчленение теряет здесь ясность, сухость и вместе рациональность свою. Все, приближаясь сюда, становится трансцендентно, т. е. не только окружено это трансцендентными по необъяснимости своей бурями, “огнем поедающим”, но и вообще переливается в значительности своей за край только анатомических терминов. Это – второе темное лицо в человеке, и, собственно, оно есть ноуменальное в нем лицо: от этого – творческое не по отношению к идеям, но к самым вещам, “клубящее” из себя “жизнь”; но оно так густо застлано от наших глаз туманом, что, в общем, никогда его не удавалось рассмотреть. [...] Второе [...] едва просвечивающее в темноте лицо – потустороннее, не от сего мира; и этому глубоко отвечает, что ведь и источники жизни никто же не признает “от сего мира”, посюсторонними» [Розанов, 1992: с. 165]. Будучи трансцендентным началом, пол не сводим к какой-то органической функции или к половым органам. «В нормальном случае, сейчас после невинности и даже еще невинные, юноша и девушка, тяготея друг к другу, бесспорно, полом, тяготеют им не функционально, но лично: ясный знак, что пол – не функция, не орган, – ибо какой же есть человек, который предпочел бы лучше умереть с голоду, чем непременно есть эту кашу и этой ложкой? не дышать вовсе, чем дышать в этой комнате? [...] И не было бы любви, целомудрия, брака, “материнство” и “дитя” не были бы самоизлучивающимися явлениями – если бы пол был функцией или органом, всегда и непременно в таком случае безразличным к сфере своей деятельности, всегда “хладным”, “невывирающим”. От этого насильственное нарушение целомудрия, т. е. именно отношение к полу, как к органу, – так потрясает, внушает ужас и невыразимую жалость к потерпевшей, а сама она часто мучительно ищет смерти, как будто перервалось, разрушено трансцендентное основание бытия ее. Тут вовсе не “обида” только – о, нет! Но “разрушение” человека» [Розанов, 1992].

Метафизичность пола проявляется даже в попытках его отрицания. «Душа человеческая, сама *душа* его, а не обстоятельства его жизни, рождена с

“облачком” [...]» [Розанов, 1990а: с. 25]. Это *облачко* есть потенция аскетического мироотрицания. Но люди с самой глубокой древности находили *облачко* не только в себе, – «провидели в самом Боге-Творце это “облачко”, или уже в Нем-то целую “тучу”... “грозы и молнии”...» [Розанов, 1990а]. Так в отвержении пола по-своему обнаруживается присутствие образа Божьего в человеке.

Пол, хоть и трансцендентен, не может рассматриваться как некая всегда равная себе сущность, вроде платоновской идеи. Он не дается высшими силами в готовом и законченном виде. «В *поле* – *сила*, пол есть *сила*» [Розанов, 1990с: с. 129]. Природа этой силы – энергия: «[...] *Пол* есть *не вещь*, не *бытие* (sein, das Ding), а скорее всего какое-то *волнение в нас*, что-то *волнующееся в нас*, какой-то *свет* и *жар*, рассекающийся на “мужское” – к *самке*, и “женское” – к *самцу*, но в этом волнении – *спутывающееся*, *переплетающееся*, “отражающееся на себя”, “идущее *вспять*”, и т. д., и т. д. [...] Пол – весь организм, и – *душа*, и – *тело*. Но – “организм” опять же не как существо, не – “sein” и “das Ding”, а вот как это “волнение и пыл”, как “пульс и ритм”, чему органы только *подчинены*» [Розанов, 1990а: с. 223–224].

Хотя «*орган* – только *придаточное к полу*, а не есть *весь пол*, и даже не есть *суть пола* [...] это есть чисто внешняя часть [...]» [Розанов, 1990а: с. 223], но в половых органах ясно обозначена текучесть пола, его энергетическая, деятельная сущность: «Все *очерчено* и *окончено* в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью... которую встречает и с которой связывается неясность или многоточие другого организма. И тогда – оба *ясны*. Не от этой ли *неоконченности* отвратительный вид их (на который все жалуются): и – восторг в минуту, когда недоговоренное – кончается (акт в ощущении)? Как бы Б. хотел сотворить *акт*: но не исполнил движение свое, а дал его *начало* в мужчине и *начало* в женщине. И уже они оканчивают это первоначальное движение. Отсюда его сладость и неодолимость» [Розанов, 1990с: с. 104]. Наверное, можно сказать, что пол в целом есть перманентная попытка завершения некоего божественного движения. И сказанное будет вполне в духе Розанова.

Поскольку пол – сила и энергия, его проявления в отдельных существах не представляют собой какой-то константы: «Вот такая-то “вечно текущая” величина в нас или, точнее, существо в нас есть *пол* наш, как наша “самочность”, что мы суть *или* “самец” *или* “самка”. Вообще – это так: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого “так” лежит и *не так*: противоборство, противотечение, “флюксия” (Ньютон), “я” отрицающееся всякого “не я”. И, словом – *жизнь*, начало жизни; *лицо*, начало лица...»; «[...] “Самочность” не есть постоянная величина, приблизительно одинаковая у всех, но что она варьирует: в одном “самца” более, “самки” более, чем в другом, это не есть ни плод развращения, ни плод возбуждения, или дурного воспитания» [Розанов, 1990а: с. 32, 43].

Степени напряжения энергии пола в разных людях сильно различаются:

«Здесь мы имеем ряд степеней, которые удобно выражаются рядом натуральных чисел:

... + 7 + 6 + 5 + 4 + 2 + 1 ± 0 - 1 - 2 - 3 - 4 - 5 - 6 - 7...

Наибольшая напряженность в смысле возможности удовлетворить и в смысле постоянной жажды удовлетворения указывает на наибольшую степень самочности, – самца в *противолежании* его самке и самки в *противолежании* ее самцу. Наибольший самец есть наичаще, наioxотнее и наимогущественнее овладевающий самкою; и наибольшая самка есть та, которая томительнее, нежнее и кротче других подпадает самцу» [Розанов, 1990а: с. 36].

Особи, в которых пол выражен наиболее ярко, ярче выражают в себе и образ мужской или женской ипостаси Абсолюта:

«Явно, что в противостоянии своем, наибольший самец и наибольшая самка суть:

- 1) герой, деятель;
- 2) семьянинка, домоводка.

Один будет:

1) деятелен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен, и, пожалуй, – действительно “топает” и “стукает”; другая же:

- 2) тиха, нежна, кротка, безмолвна или мало-молвна.

“Вечная женственность” – прообраз одной.

“Творец миров” – прообраз другого» [Розанов, 1990а: с. 39].

И еще одна характеристика идеала (и сразу анти-идеала) Женственности: «“Нахально вели себя”, по укориэне собеседниц, бесполье, почти бесполье женщины и девушки; у них верно были и “усики” на губе, и “разухабистые” манеры, как у писарей; громкий и жесткий голос, мужицкая походка. Те же сидели тихо в уголке; не ходили – аплыли, или скользили по полу; были застенчивы, конфузливы, стыдливы... Они были добродетельны: как *героизм* в мужчине, конечно, есть добродетель, – так главная добродетель в женщине, семьянинке и домоводке, матери и жене, есть изящество манер, милость (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая» [Розанов, 1990а: с. 45].

Но главным все же оказывается тяготение к мужчине. Поэтому образцовые проявления наивысших напряжений Женственности Розанов находит в священной проституции древности: «“*Sainte prostituée*” есть + 8 + 7 + 6...» [Розанов, 1990а: с. 50]. Что такое + 5 и + 4 – не понятно. Может быть, воспетые выше «семьянинки и домоводки»? Следом идут «поповские дочки», о которых сказано: «По мере приближения к низшим цифрам, к + 3, + 2, + 1, – тембр голоса грубеет, взгляд становится жестче, манеры резче, “нахальства больше” [...]» [Розанов, 1990а]. Возле ноля пол как бы засыпает. Почти угасшее тяготение к самцу окончательно сводится на нет пробуждающимся

тяготением к самке. Такая женщина отвращается от секса и любви. «Наконец наступает “±0”. Обратите внимание на знаки “+” и “-”. Такие не мертвы; хотя абсолютно никогда не “хотят”. “Кое-что” по части “+” в них есть: но оно связывается “кое-чем” по части “-”. Таким образом, в них нет *однолинейного* тяготения – к “самцу”: но две как бы стрелки, обращенные остриями в разные стороны: к “самцу” – одна, а другая?.. Закон прогрессивности, как и то, что здесь все происходит только между *двумя* полами, указывает, что вторая стрелка и не может быть ни к чему еще направлена, кроме как к *самке* же. Самка ищет самки; в первой самке значит соприсутствует и самец: но пока он так слаб еще, едва рожден, что совершенно связывается остатками самки, угасающею самкою; которая, однако, тоже связана вновь народившимся здесь самцом. “Ни туда, ни сюда”» [Розанов, 1990а: с. 51]. Отрицательные величины означают лесбийскую ориентацию. Чем выше отрицательная степень, тем сильнее в женщине мужское начало [Розанов, 1990а].

Аналогичная схема вычерчена и для мужского пола. Высшая степень Мужественности – воин-берсеркер, авантюрист, путешественник и т. д. В этих людях сильно дикое, варварское начало. Они предельно близки к «естественному человеку». Под воздействием культуры Мужественность начинает стремиться к нулю. Если на высших степенях напряжения пола самец жаждет овладеть как можно большим количеством самок, то на более низких утверждается моногамный брак [Розанов, 1990а: с. 53–54].

При «±0» наступает «полное “не-воление” пола, отсутствие “хочу”. Нет жажды. Гладь существования не возмущена. Никогда такой не вызовет “на дуэль”, не оскорбится, – и уж всего менее “оскорбит”. [...] Вообще выступает начало *прощения*, кротости, мировое “непротивление злу”» [Розанов, 1990а: с. 54]. «Нулевые» люди тем не менее активно творят культуру. На отрицательных степенях мы наблюдаем сперва латентный гомосексуализм, дающий трогательные примеры мужской дружбы, а затем и гомосексуализм явный [Розанов, 1990а: с. 55–57].

К нулевым степеням Мужественности Розанов весьма внимателен. Здесь совершается *«переход мужчины в девичество, из “+ 0” пола в “- 0” его*. Он, следовательно, выражается:

- 1) в молчании полового аппетита, – вечной *сытостью собою и в себе*;
- 2) в чувстве *отвращения к половому акту*;
- 3) в *неспособности совершить его*, полной или почти полной (степени, ряд оттенков);
- 4) в сохранении *вторичных* (дополнительных) *качеств супруга*: влечения к психологическому или интеллектуальному общению с женщиною, постоянному и тесному, – что и бывает причиною заключения брака, в этом случае не *плотского*, а *духовного*, спиритуалистического;
- 5) в появлении *вторичных* же, дополнительных *качеств девушки*, выраженных более или менее, и при не обращении в эту сторону внимания

наблюдателя – не отмечаемых вовсе (застенчивость, но встречаются и другие)» [Розанов, 1990а: с. 96].

О «нулевых» людях Розанов говорит как о мужедевах или девомужах. «Они образуют [...] *полу-гомосексуальность* или *полу-содомию*, иначе могущую быть названною, за отсутствием физического общения, *духовною содомиею* или *духовною гомосексуальностью*» [Розанов, 1990а: с. 98].

Духовный содомит андрогинен особой древней, первичной андрогинностью: «Если хотите – он *третий* человек около Адама и Евы; в сущности – это тот “Адам”, из которого *еще не вышла* Ева; первый *полный* Адам. Он древнее того “первого человека, который *начал размножаться*”. Он смотрит на мир более древним глазом; несет в натуре своей более древние залогов, помнит более древние сказки мира и более древние песни земли. В *космологическом* и *религиозном* порядке он предшествует размножению; размножение пришло *потом*, пришло *позднее*, и покрыло его, как теперешние пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацию. Он – девонская формация; размножение – теперешняя» [Розанов, 1990а: с. 101]. Для духовных содомитов характерны внутренний брак и внутреннее совокупление: «[...] Брак, супружество и даже половой акт, конечно, происходит у этих субъектов, но протекает *не в половых их органах*, а во *всей организации*, в *общей организации*, преимущественно же *в крови*» [Розанов, 1990а: с. 96–97]. Сodomит, подобно йогу, обладает женщиной внутри себя.

Тут Розанов излагает любопытнейшую теорию. В каждом человеке с момента зачатия присутствуют мужское и женское начала. До 12 – 13 лет эти начала равноможны и тесно связаны друг с другом. Они как бы пребывают в состоянии перманентного совокупления: «совершается половая вибрация, как бы нажим и разжим гармоника, одна половина которой – женская, а другая – мужская, *внутри самого организма*; откуда и происходит его жизненность, живость, сила, сияние (младенчество, детство)» [Розанов, 1990а: с. 97]. С 12 – 13 лет одно из начал получает перевес и пробуждается интерес к противоположному полу, начинаются поиски партнера вне себя. У духовных же содомитов «*ни которая* половина до конца жизни не перевешивает, – и *внешний брак невозможен*» [Розанов, 1990а].

Древнему андрогинизму Адама Кадмона, который ведет к статическим состояниям самозамыкания особи, противостоит динамический андрогинизм нормального пола – новый андрогинизм: «[...] Явление пола, в зачатии сплетенного из двух полов, из материнского, т. е. *женского*, и из отцовского, т. е. *мужского*, есть непременно в *каждом* организме и в *каждый* момент его жизни *муже-женское*, и от этого *текущее, вибрирующее, лучащееся*, причем 1) ни индивидуум на протяжении своей жизни не остается *тождественным себе* самому все время, 2) ни все индивидуумы сходными между собою. Пол в нас дрожит, колеблется, вибрирует, лучится. То материнская сторона преобладает, то отцовская, то обе стороны в гармонии (детство), то

которая-нибудь в подчинении, исчезании, умирании (время нормальной половой деятельности, когда человек ищет пополнить в себе замирающую сторону пола)» [Розанов, 1990а: с. 153].

Колебаниями пола в человечестве Розанов пытается объяснить идеи и учения, отвергающие пол, секс, размножение: «Противо-родовые *идеи* не могут возникнуть без противо-родовых *инстинктов*; а таковые *единственно* встречаются, и притом *бесспорно* встречаются, на той точке *текущего пола*, где он из влечения к гармонизации с противоположным анатомически полом (сопряжение, супружество) переходит во влечение к слиянию *со своим* полом. В этой точке перехода является, всего на момент, полное *отрицание пола*; пол, и свой и чужой, ощущается как совершенно *ненужное, лишнее, придаточное*; чему не отвечает внутри *никакой психологии, никаких идей*» [Розанов, 1990а: с. 151].

Получается, что у духовных содомитов душа бесполо. Зато у нормальных людей все иначе. «[...] Человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола, и *своего* и *универсального*; что, впрочем, и понятно, иначе и быть не может: так как он *весь* ведь и составлен только из двух половинок, от матернего тела, от отцовского тела, отделившихся в половых их органах и в страстном половом акте. Ничего *третьего*, ничего *не полового* там не было: и, следовательно, неоткуда взяться ничему *третьему* в нас, ничему *не половому*...» [Розанов, 1990а: с. 73]. Из этого выводится соотношение души и пола: «Не ясно ли, что душа есть только *функция* пола, что пол есть ноумен души как *своего* феномена. Точнее, пол – невидимый, бесцветный, неосязаемый – есть *сотворяющий* душу и тело с его формами» [Розанов, 1990а: с. 166].

Характеристики души как функции пола совпадают с характеристиками половых органов как другой половой функции: «Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще неисследованное не только соотношение, но полное тождество между *типичными качествами* у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душою в ее *идеале, завершении*. [...] Мужская душа в идеале – *твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напорающая, одолевающая*: но между тем ведь это все – почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукою!.. Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще всего очерка *души* – *нежность, мягкость, податливость, уступчивость*. Но это только – *названия* качеств ее детородного органа. [...] В *психике* женской есть то качество, что она *не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно*, а, напротив, ширится, как *туман*, захватывает собою *неопределенно далекое*; и, собственно, – не знаешь, где ее *границы*. Но ведь это же все *предикаты увлажненных и пахучих тканей ее органа* и вообще половой сферы» [Розанов, 1990а: с. 39–40]. Поэтому половой акт совершается не только половыми органами, но и душами. Души же и зачинают: «Душа – от души, как искра – от пламени: вот деторождение!» [Розанов, 1990а: с. 41].

Однако кроме души, есть еще и дух. Дух – проявление лунного начала в человеке (о лунном и солнечном началах разговор пойдет ниже). Он выступает регулятором и ограничителем половой силы: «Пожалуй, spiritus в нас – отражение лунного в каждом света “девства”, частицы которого никто не лишен. В каждом – *оба* пола (от *матери*, от *отца*); поэтому каждый вновь *хочет совокупиться*, но не постоянно же совокупляется, а частью и *девичеством*; и вот это “девичество” – и рождает в нем spiritum. *Голая* самочность, самочность как *бесконечное* – дала бы непрерывное, постоянное, вечное истечение семени и отделение яйца; в такой мере, как нет и у насекомых и рыб. Но этого – нигде нет, ни у кого нет; и *потому* у рыб, и у насекомых – уже появился *дух, душа, психология*. Появилась – насколько они *гермафродитичны*, а не *одно-полые* самцы или *одно-полые* самки» [Розанов, 1990а: с. 276].

Пол наиболее адекватно реализует себя в совокуплении и размножении. Половой акт есть «фокус организма и жизни» [Розанов, 1990с: с. 344]. Разъясняя этот тезис, Розанов проговаривается кое о чем важном: «...Как поршень действует в цилиндре насоса? – под поршнем *образуется пустота*. И природа с ее *terror vacui* стремится наполнить ее. Выступают и поднимаются воды земли, собираются воды земли (почвы) и устремляются к уходящему поршню... И жизнь, и силы, и кровь» [Розанов, 1990с]. *Поршень, насос, природный страх пустоты* – метафоры, скрывающие ужас Ничто, защитой от которого служит половой акт. Совокупление с целым бытием заполняет пустоты последнего силами жизни и вытесняет Ничто из пределов бытия. Но и в обычном половом акте отражена та же коллизия. Ведь пустота, зияние вагины указывает на тайное присутствие Ничто. В совокуплении организм «как бы собирается в одну точку» – концентрирует все силы для преодоления Ничто.

Совокупление есть также возможность манипулировать временем. Розанов пропагандирует не только соединение юных (об этом у него очень много говорено), но и соединение людей с большим разрывом в возрасте: «Совокупление, – каждое единичное, и брак как нить и цепь их, всегда имеет определенный возраст. Год, месяц и день. Этот возраст равен половине суммы годов обоих совокупающихся. Если ему 24 и ей 16, то совокупление *двадцатилетнее*» [Розанов, 1990с: с. 345]. Возраст того, кто старше, понижается в совокуплении. Возраст того, кто младше, повышается. Возникает гармония. Складывается счастливый союз. Розанов приводит и примеры: «Мне приходилось наблюдать (у немцев) любящую пару, где *ей* было 24 (хороший рост, полное здоровье, красива), а *ему* не менее 66 лет (след., брак был 45 лет). Она мне (т.е. обществу при мне) передавала, как они вдвоем при зимней луне катаются на лыжах; и она постоянно была около мужа, не ища другого общества. Через год у них родился ребенок» [Розанов, 1990с: с. 346]. Такие уравнивания возраста помогают обмануть время, заставляют отступить старость (что-то подобное даосским сексуальным практикам).

Как возможны подобные явления? Благодаря взаимодополняемости совокупающихся: «Что такое “сношение с женщиною”? Всегда – прививка, принятие в себя “почки” *нового роста*. Через совокупление мужчина прививает [...] себя женщине, женщина прививает себя мужчине: откуда – вытекающие отсюда *слияние, любовь, покорность* совокупившегося тому, с кем было совокупление, всегда – *двойная*, всегда – *обратная*, всегда – *взаимная*. Пользуясь аналогиями, можно бы сказать, что совокупление есть *физиологический гипноз*, происходящий через жидкости и всасывание их тканями, нежными и увлажненными. Это “прием душевной ванны”, из которой совокупившийся выходит “обновленным” и “другим”, именно – “другим” через эту прививку» [Розанов, 1990а: с. 222].

В совокуплении утверждаются бытийные основания пола, его религиозная святость, его целомудрие: «[...] Целомудрие, как “je suis” пола. Удивительная его черта, что оно не исключает плотской связи. Собственно, целомудрие есть сияние пола, но идеалы величайшего целомудрия суть жены, а не девы. [...] Оно есть черта именно и специально только *пола*; это – не качество *ума*, не особенность *сердца*, не принадлежность *характера*; это – уважение человека к своему полу, молчаливое и бережное отношение к нему, как к ненарушимо-*святому* в себе. [...] Мы назовем “героинею” самоотверженную женщину; но “святою” не только не назовем оскотленную женщину, но и преднамеренно-упорную старую деву: а назовем так невесту – в отношении к обещанному жениху, жену – в отношении к мужу, мать – в отношении к младенцу; т. е. целомудрие есть черта деятельного, а не молчащего пола. [...] Половой акт, в душе и правде своей, для нас совсем теперь утерянной, есть именно акт не разрушения, а приобретения целомудрия: и только пройдя через бездны его отрицания, невыносимого его загрязнения, мы впали в действительность, из которой даже взглянуть и увидеть радостную истину нам почти не дано» [Розанов, 1990с: с. 450–451].

В совокуплении проявляется индивидуально-личностное в индивиде. Индивидуально-личностное всегда противоречит всем нормам, законам и правилам: «...“Лицо” в мире появилось там, где впервые произошло “нарушение закона”. Нарушение его как единообразия и постоянства, как нормы и “обыкновенного”, как “естественного” и “всеобще-ожидаемого” [Розанов, 1990а: с. 30]. В половой сфере противоборство «лица» и закона выступает как противоречие биологии и морали. Природой установлена неповторимость индивидуальных совокуплений: «Всякий “творит совокупление *по своему* образу и подобию”, решительно не повторяя никого и совершенно не обязанный никому вторить [...]» [Розанов, 1990а: с. 34]. Мораль же требует единообразия, но не в силах его добиться: «Моральный закон, неправо вторгнувшись в не свою область, расслоил совокупления на “нормальные”, т. е. ожидаемые, и “не нормальные”, т. е. “не желаемые”, причем эти “не желаемые” не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют» [Розанов, 1990а].

Поскольку особое и индивидуальное в любой области легче всего скрывать, присоединяясь для вида к проповедующим правилам, армия «сторонников» нормы в половой сфере возрастает прямо пропорционально жесткости моральных установлений. Отсюда «вытекла необыкновенная твердость, можно сказать “незыблемость” морального закона в половой сфере, которая в действительности не только всегда была “зыбка”, но, можно сказать, ни в одной точке своей и ни на одну минуту не переставала волноваться, и представляла вечный океан, с величественными в нем течениями, с бурями, водоворотами, с прибоем и отбоем у всякой отдельной скалы... “Незыблемость” правила шла параллельно совершенной “зыбкости” того, к чему оно относилось; и, собственно, “зыбкость”-то и была единственным *внутренним* правилом, из самой сущности стихии вытекающим...» [Розанов, 1990а: с. 35].

Искажающим природу человека, нивелирующим индивидуальность правилам морали противостоят естественные законы пола, оберегающие «лицо», законы, которые действительно незыблемы. Незыблемость эта держится на внутреннем их соответствии сущности полового начала. Поэтому никакое подкрепление в виде морали им не требуется. «Между тем пол – именно океан: и в нем не зародится “водоворот” там, где ему “не указано быть”, вековечные течения его не перестанут и не спутаются, не расширятся и не сузятся; и все останется так, “как есть” и “предуказано”, и в том случае, если правило исчезнет под давлением истины, что оно вмешалось в область, существенно *не свою*» [Розанов, 1990а: с. 36].

Отсюда следует принципиальное отрицание реальности разврата: «“Разврат” есть слово, которому нет соответствующего предмета. Им обозначена груда явлений, которых человечество не могло понять. В дурной час ему приснился дурной сон, будто все эти явления, – на самом деле подобные грибам, водорослям и корням в природе, – суть “дурные”, уже как “скрываемые” (мысль младенца Соловьева в “Оправдании добра”); и оно занесло их сюда, без дальних счетов и всякого разумения» [Розанов, 1990с: с. 233].

Совокупление и зачатие душе телесны так же, как и любовь: «Родовой акт есть столько же *материальный* (семя, яйцо), сколько и *духовный* (семя с *душою* в себе, яйцо с *душою* в себе, с талантом, с гением!)» [Розанов, 1990а: с. 135]. Итак, сперма и яйцеклетка одушевлены отцовской и материнской душами: «[...] “Потеря сознания”, которая происходит в последний момент родового акта, не есть конечно исчезновение “куда-то” души, ума, нравственной личности и идеализма (тогда человек *умер бы*), а есть *всего этого переход – в семя*. Весь дух человека, все его личное “я” проникает сиянием семя: от чего в дитяти и отражается весь “дух” его родителей, их таланты, гений, благородство. Из этого объясняется пониженная духовность у детей “преизбыточествующих” гениев: они не способны совершить акта с требующимся “забвением себя”, с “потерей сознания”, т. е. во время акта *душа* их

остается в голове же, и семя в утробу матери переходит *обездушенным, только животным, только ферментом биологического зачатия*» [Розанов, 1990а: с. 144]. Но в момент оргазма к совокупающимся нисходит также какая-то духовная сущность: «Душа, ее неземные предчувствия, ее метафизические тревоги, ее томление по Боге – все объясняется как *врожденные дары, врожденные сокровища*, если самая душа, вложенная в 1/2 из матери и в 1/2 из отца через их половое слияние, есть в то же время “капля метафизического существа”, капнувшая в земные условия через этот миг их слияния» [Розанов, 1990а: с. 72].

Во время беременности совокупления должны продолжаться. В период вынашивания мать завершает этим способом физическое и духовное развитие плода, «кормит все его существо, кровь его, кости его, нервы его и *присущую всему этому метафизику* (вторая духовная половина всякой частицы тела) совокуплениями своими и вообще чревными трепетаниями; и по участию в них мужа можно даже продолжить и сказать, что эти девять месяцев оба они совместно питают ребенка, притом питают такими частицами внутреннего существа своего, которые несравненно драгоценнее, значущее и могущественнее, чем молоко, это сравнительно рациональное и земное вещество» [Розанов, 1990а: с. 75–76].

Вообще нормальный человек не может не воспринимать совокупление положительно. Иной подход к проблеме – признак духовной содомии: «Как человек с + 1 + 2 + 3 и т. д. полового притяжения чувствует в половом акте 1) здоровое, 2) нравственное, 3) полезное, 4) благородное, 5) прекрасное [...] так духовные содомиты “и вообразить себе не могут” этот акт иначе, как позорным, глупым, скверным, грязным, обобщенно и отдаленно – греховным, противным Богу, безнравственным» [Розанов, 1990а: с. 102–103].

И все же половой акт ценен для Розанова не сам по себе. Цель его – размножение (Розанов – человек Матери, но при этом он осуществляет тотальную эротизацию материнской сферы). Бездетность – грех: «Девушка без детей – грешница. Это “канон Розанова” для всей России и «Всякий оплодотворяющий девушку сотворяет то, что нужно» [Розанов, 1990с: с. 160, 348]. Деторождение – право и долг человека: «Она *родила* и, след., имела *право родить*. “Мочь” нигде так не совпадает с “я *вправе*”, как в деторождении. Ваш же старик сказал: “Я *могу*, следовательно, я *должен*”. Это он разумел о гофратах, отправляющихся по утру в должность, и – еще о молодых людях, могущих (“а следовательно...”) удержаться от девушек. Положим – *так*. Но ведь *не иначе* будет и в рассуждении юношей: “Я *могу* с нею зачать ребенка, и, следовательно, я *должен* его зачать в ней”. Что ответил бы на это Кенигсбергский мудрец?» [Розанов, 1990с: с. 65].

Зачатие нового человека глубоко мистично: «Ибо секунда его зачатия – естественное построение ноуменального плана его души или по закону “греха”, и тогда “в смерть” (моральную, но частью и физическую), или в “молитве” – и тогда, конечно, “в жизнь”. Тут – и никогда еще, еще нигде –

хоть на секунду, но соединяются “пуповиной” земля и таинственное, не астрономическое, небо: ибо огонек новой, тут зажигаемой жизни – “не от сего мира”, он “в стихии” ниспадает, но сам вовсе не из “стихии”, а откуда-то и тоже не от астрономических “звездочек”, от каких-то лилейных частей мира» [Розанов, 1992: 10, с. 190].

Когда Розанов говорит «по закону греха» или «в молитве», он явно имеет в виду обстоятельства, сопутствующие зачатию. Сам же акт зачатия безгрешен в любом случае. Из его безгрешности проистекает и безгрешность младенца: «Замечательная безгрешность младенца вытекает отсюда. В сущности, около младенца всякая взрослая (гражданская) добродетель является уменьшенной и ограниченной, и человек, чем далее отходит от момента рождения, тем более темнеет. В сиянии младенца есть ноуменальная, потусветная святость, как бы влага потустороннего света, еще не сбегавшая с ресниц его. [...] Как только мы отождествим душу пола с целомудрием и его ритм – с восхождением по ступеням целомудрия, тотчас мы и поймем, что младенец, плод полового акта, есть *отелесненное целомудрие*, от коего он и заимствует все черты свои (невинность)» [Розанов, 1990с: с. 451].

Размножение есть торжество родового начала. Через совокупление и размножение отдельные родовые ветви связываются в единое мировое тело. Старшие поколения снова и снова повторяются в младших, что обеспечивает родовому телу бессмертие. «В основе лежит чувство родителей, как бы вторично и *более полным образом* рождающихся в мире. Совокупление детей есть для родителей собственное их второе рождение. Едва крови – прорвав ткани – слились, как в родителей входит метафизическое знание, что от них отделилась нить, которая связалась в узел с нитью, вышедшей из пуповины “кого-то другого”, “совсем нового”, “чуждого вот *нашему* роду” [Розанов, 1990с: с. 344].

Поскольку речь идет о создании мирового родового тела, совокупление и зачатие суть явления космические. Оплодотворенная женщина, родившая женщина всегда в каком-то смысле не только мать, не просто мать, но Матерь Мира. Чувство космичности размножения присутствует и у животных. Даже у глупой курицы оно есть. И курица радуется, снеся яйцо: «Курица-то почему кричит? Да что она “принесла пользу миру”; более “не *чужая миру*”; она кричит: “мир – *мой*”, «а я – *мировая*», т. е. мировая вещь, *мировое лицо*; я теперь “мировое существо” – в “сердочках”, а не “с краешку” (конец мира)» [Розанов, 1990с: с. 345].

Родовая идея наиболее полно выражается в фаллическом культе: «Cul. ph. непонятен и невозможен вне *родства*, в родстве же он понятен и неизбежен, как средоточие этого родства, его источник и возбудитель, тайная его поэзия и, наконец, религия» [Розанов, 1990с: с. 347]. Истинный смысл этого культа все в том же повторном воспроизведении старших поколений и родовом бессмертии. Поэтому «“cul. phal.” был продиктован кем-то очень старым,

“ветхим деньми”. Молодому он и на ум не может прийти, в молодом он возбудил бы только “смех или забавное отношение”. Он смешон для братьев и сыновей, но не смешон – для родителей; смешон для дочерей, для сестер, – но не смешон “для свекра и свекрови, для тестя с тещей”. Он *совершенно понятен* для всякого *деда и бабушки*» [Розанов, 1990с: с. 347–348].

Прославление человеческих совокуплений и рождений переходит в мечту о космическом совокуплении. Вселенский половой акт – это прежде всего слияние мира и Бога. Влечение космоса и Творца взаимно: «Бог охоч к миру. А мир охоч к Богу. Вот религия и молитвы. Мир “причесывается” перед Богом, а Бог говорит [...] “Как это – хорошо”. И каждая вещь, и каждый день» [Розанов, 1990с: с. 370]. Здесь мир предстает как женственное начало. Но возможно и обратное. Космос оборачивается Всефаллосом, стремящимся погрузиться в женственное лоно Божества: «Невероятно надеть на руку лайковую перчатку, как она лежит такая узенькая и “невинная” в коробке магазина. А одевается и образует крепкий обхват. Есть метафизическое тяготение мира к “крепкому обхвату”. В “крепком обхвате” держит Бог мир... И все стремится не только к свободе и “хлябанью”, но есть и совершенно противоположный аппетит – войти в “узкий путь”, сжимающий путь» [Розанов, 1990с: с. 361–362].

Правильное отношение Бога с человечеством должно быть отношением священного брака. Здесь Бог представляет мужское начало, а человечество – женское. Именно так в ветхозаветной религии: «Иегова есть “супруг Израиля”, когда-то давший ему, как жених, в “veno” землю Ханаанскую, и затем все время мучивший “невесту и жену” приступами яростного ревнования... В этом *суть* всех пророчеств, сплетающих нежность ласк и обещаний с угрозами за возможную измену, со страшным наказанием за совершившуюся измену... “Давала мять сосцы свои *чужеземникам*”; “раскидывала ноги *по дорогам* и блудила, а не была *со Мною*”... Весь пресловутый “монотеизм” евреев есть “едино-мужие”, верность “одному мужу”, каковою Авраам поклялся при завете Богу за себя и потомство (“семья”) свое: “Мужа *другого* не буду иметь”, – сказал он с трепетом, получив Ханаан: “Ни – *убегать* к любовникам”...» [Розанов, 1990с: с. 468].

Но человек и мир также пребывают в перманентном коитусе. При контакте через органы чувств человек и мир совокупаются друг с другом и пожирают друг друга (совокупление и пожирание – взаимозаменяемые символы): «В каждом органе ощущения, кроме его “я *знаю*” (вижу, слышу, обоняю, осязаю), есть еще – “я *хочу*”. Органы суть не только органы чувств, но еще и – хотения, жажды appetитов. В каждом органе есть жадность к миру, алкание мира; органами не связывается только с миром человек, но органами он *входит* (врезается) в мир, *уродняется* ему. Органами он “съедает мир”, как через органы – “мир съедает человека”. Съедает – ибо *властно входит в него*... Человек входит в мир. Но и мир входит в человека. Эти “двери” – зрение, вкус, обоняние, осязание, слух» [Розанов, 1990с: с. 226].

Здесь уже присутствует идея Человекофалла в несколько завуалированной форме. Эта идея оборачивается требованием возрождения фаллического культа через усиление родового начала в христианстве: «Христианство должно хотя бы отчасти стать фаллическим (дети, развод, т. е. упорядочение семьи и утолщение ее пласта, увеличение множества семей)» [Розанов, 1990с: с. 129].

Розанов заботится об обосновании и оправдании фаллического культа (**подчеркнем:** фаллизм здесь не истинный, ибо не к архетипу *Фалла* прибегает Розанов, но к архетипу *Човекофалла*; ведь мыслитель прославляет *плодородие* и уходит от *деструктивных начал* истинного фаллизма). Он отрицает связь последнего с бесовской силой. Отрицает, надо заметить, весьма оригинально: он, Розанов, пророк фаллизма, новейшее воплощение фаллического начала в мире, – не демоничен, следовательно... «Когда говорят о “демоническом” и “бесовском” начале в мире, то мне это так же, как черные тараканы у нас в ванне (всегда бывает и их люблю): ни страха, ни заботы. “Есть” – и Господь с ними, “нет” – и дела нет. Это не моя сторона, не мое дело, не моя душа, ни – мой интерес. Посему я думаю, что сродства с “демонизмом” (если он *есть*) у меня вовсе нет. [...] И так как *в то же время* у меня есть бесспорный *фаллизм*, и я люблю “все это”, не только в идеях, но и в натуре, то отсюда я заключаю, что в фаллизме ничего демонического и бесовского не содержится; и выражения “Темная сила”, “Нечистая сила” (по самым эпитетам, явно относимые к фаллической области) суть мнения апокрифов, а не Священного Писания» [Розанов, 1990с: с. 360].

Аргументы вообще-то довольно сомнительного свойства. Особенно если учесть, что вокруг Розанова складывалась демоническая легенда. Вот, скажем, типичный образчик (правда, более позднего периода): «После большевистской революции Розанов жил у отца Павла Флоренского в Сергиевом Посаде в монастыре св. Сергия. Он там написал “Апокалипсис нашего времени”, в котором выступил с хулой на христианство. Возмущенные этим, отец Павел, лектор Московской духовной академии Андреев и еще одно лицо, фамилию которого я забыл, пришли к Розанову. Как мне рассказывал Андреев, они заявили Розанову, что если он будет продолжать выступать с нападками на христианство, то они больше не будут его друзьями. Розанов ответил им, сознавая, очевидно, в себе или около себя какую-то демоническую силу: “Не трогайте Розанова; для вас будет хуже”. И действительно, в следующем году всех их постигло серьезное несчастье» [Лосский, 1991, с. 437].

Впрочем, Розанов пытается строить фаллодицею не только на доводах *ad personam*. Он говорит о природной святости фалла, вписанной, «в существо вещей»:

«Я жму *руку* всем, и все жмут мою руку. *Глазами* смотрю на весь мир, и весь мир смотрит мне в глаза. *Обоняю* и фиалку, и розу, и нарцисс. Слушаю шум леса, и прибой моря, и музыку Бетховена, и русскую заунывную песню.

Какая *проституция* во всем! Поистине я “*всем принадлежу, и все принадлежат мне*”. Кроме одного органа.

Который, если я отдаю *еще кому-нибудь*, кроме *единого* – все поднимают на меня камни.

Какое чудо: значит, он *один* во мне целомудрен? Один «и допустить не может», чтобы его коснулись *все* или он коснулся *всех*: – т. е. непроституционен “в самом себе”, в “своей натуре”.

Ибо, побивая, все побивают меня не за грех против них... Какой? *Им* я причинил удовольствие!

А – за грех против *натуры органа*! Тайнственное “побиение камнями” (воистину тайнственное!), как мировое “осуждение за разврат”, есть символ, что весь мир почитает себя стражем моего единичного органа, именно его целомудрия, именно его непроституционности.

Какое чудо!

Ведь казнят не орган, отрывая, укалывая, уродуя: ему ничего не делают, “как невинной Еве”; а казнят носившего его человека, за то, что не оберег его чистоты и невинности» [Розанов, 1990с: с. 329].

Здесь парадоксально сочетаются два излюбленных мотива русской эротической мысли. Розанов вновь возвращается к идеям Человекофалла и перманентного коитуса со всем миром. Но теперь вселенский половой акт (всеединство, понятое как перманентное всеобщее совокупление) оказывается проституционным. Проституционен и человек как фалл, как Всефалл. Зато человеческий половой орган сакрален. Почему? Потому что всегда посвящен единому и единственному личностному воплощению Эроса и пола (мотив личной любви). Пусть у каждого человека такое воплощение свое, индивидуальное, а, следовательно, подобных воплощений оказывается великое множество, принцип единственности и неповторимости от этого не страдает, ибо в каждом конкретном случае он соблюден неукоснительно.

Святость полового органа – часть завета человека с Богом: «Теперь объясняется строка, когда-то поразившая меня в Талмуде: что “побиение камнями” было *привилегией* иудеев и иудеянок, которого не имели право распространить на согрешивших в другом племени, если они жительствоваали в Иерусалиме или в Иудее. “Побиение” было неотделимо от “обрезания”» [Розанов, 1990с: с. 330].

Учредив культ совокупления и половых органов, Розанов пытается создать сексуальную эсхатологию. Жизнь «будущего века» вполне телесна. И отнюдь не только потому, что людей ожидает телесное воскресение. «[...] “*Душа*” – не нематерьяльна. Она – осязаема, видима, есть: но только – *иначе, чем в земном существовании*» [Розанов, 1990с: с. 409]. Потусторонний мир эротичен и вовсе не беспол. Перешедшие туда пребывают в постоянном мистическом контакте с мужской и женской ипостасями Божества, приобщаясь непосредственно к божественной эротике. На такие открытия натал-

квивают Розанова размышления о жизни насекомых: «В фазах насекомого даны фазы мировой жизни. Гусеница: – “мы ползаем, жрем, тусклы и недвижимы”. – “Куколка” – это гроб и смерть, гроб и прозябание, гроб и обещание. – Мотылек – это “душа”, погруженная в мировой эфир, летающая, знающая только солнце, нектар, и – никак не питающаяся, кроме как из огромных цветочных чашечек. Христос же сказал: “В будущей жизни уже не посягают, не женятся”. Но “мотылек” есть “будущая жизнь” гусеницы, и в ней не только “женятся”, но – наоборот Евангелию – при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобии смерти в куколке, – бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!! – не только хоботок ее вовсе не приспособлен для еды, но у нее нет и кишечника, по крайней мере – у некоторых!!), странным образом – она имеет отношение *единственно к половым органам* “чуждых себе существ”, приблизительно – именно Деревя жизни: растений, непонятных, загадочных. Это что-то, перед всякой бабочкою, – неизмеримое, огромное. Это – лес, сад. Что же это значит? Таинственным образом жизнь бабочки указывает или предвещает нам, что и души наши после гроба-куколки – будут получать от нектара двух или обоих божеств» [Розанов, 1990с: с. 408–409].

Мир иной вообще оказывается сплошным совокуплением: «Значит, “мир будущего века”, по преимуществу, определяется как “совокупление”: и тогда проливается свет на его неодолимость, на его – ненасытимость и, “увы” или “не увы”, – на его “священство”, что оно – “таинство” (таинство – брака). Открытий – чем дальше, тем – больше. Но явно, что у насекомых, коров, везде, – в животном и растительном мире, а вовсе не у человека одного, – оно есть “таинство, небесное и святое”. И именно в центральной его точке – *в совокуплении*. Тогда понятна “застенчивость половых органов”: это – “жизнь будущего века”, входим через это “в загробную жизнь”, “в жизнь будущего века”. И, странно: тогда понятно *наслаждение*. “Эдем, блаженство»» [Розанов, 1990с: с. 433]. От этих рассуждений уже и до тантризма недалеко.

В эсхатологической перспективе в несколько ином свете предстает идея Человекофалла. Совокупление с бытием в своей кульминации есть мистическое проникновение в иной мир. А «райская жизнь» есть уже перманентное совокупление Человекофалла со Сверхбытием: «[...] Насекомые (не одни бабочки, но и жуки, “бронзовики”, “Божии коровки”) копаются *в громадных относительно себя* половых органах деревьев, и особенно – кустов, роз и проч. олеандров и т. п., орхидей. *Чем цветы представляются для бабочек?* Вот бы что надо понять и *что понять* – *ноуменально необходимо*. Не невозможно, что для каждого насекомого – “дерево и цветок”, “сад и цветы” – представляются “раем”... Да *так* ведь и есть [...] Совершенно явно: *величина* цветов – именно чтобы насекомому войти *всему*. [...] “Сад”, вообще всякий сад, “наш и земной”, есть немножко и *не* “наш” и *не* “земной”, а тоже “будущего”, “загробного века»» [Розанов, 1990с: с. 433–434].

На земле потусторонняя жизнь наиболее адекватно отражается и выражается в дионисийском, оргиастическом начале: «Но вернемся еще к страстям и огню. Таинственно через них и “оргии” действительно проглядывает “жизнь будущего века”. Ведь посмотрите, как подозрительно и осудительно ласкаются мотыльки с цветами. Действительно – нельзя не осудить. Но... “жизнь будущего века”, и... что поделаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли все “оргии древности”; и что “без оргий не было древних религий”» [Розанов, 1990с: с. 434].

Розанову не чужд народный культ Матери. Мир часто представляется ему как воплощение материнского начала: «Ах, не холодеет, не холодеет еще мир. Это – только кажется. Горячность – сущность его, любовь есть сущность его. И смуглый цвет. И пышущие щеки. И перси мира. И тайны лона его. И маленький Розанов, где-то закутавшийся в его персях. И вечно сосущий из них молоко. И люблю я этот сосок мира, смуглый и благовонный, с чуть-чуть волосами вокруг. И держат мои ладони упругие груди, и далеким знанием знает Главизна мира обо мне, и бережет меня. И дает мне молоко, и в нем мудрость и огонь. Потому-то я люблю Бога» [Розанов, 1990с: с. 370]. Розанов заявляет: «Я постоянно хотел видеть весь мир беременным» [Розанов, 1990с: с. 150].

Культура любого народа должна быть, с точки зрения Розанова, основана на поклонении Женственности и Матери-Земле. Признак вырождения европейских народов – явное преобладание у них мужского начала: «С “землей” вообще потеряна их связь, и она потеряна в “материнстве”. С высоких культурных точек зрения “земля” и чувство “земли” есть именно материнское чрево и чувство этого чрева: так глубоко они связаны, почти сливаются. Земля – “кормилица”, как “кормилица” и мать. Но мать – это “Ева”, “жизнь”; “высокая жена”, “Сар-ра”, в противоположность “Саре”, “госпоже”, каковое переименование было отмечено Богом в миг заключения завета с человеком» [Розанов, 1992: с. 189].

Женщина – «небесное существо» [Розанов, 1990с: с. 347]. Перед женщиной – «задача переработать нашу цивилизацию, приблизить ее к своему типу; овлажнить сухие ее черты влажностью материнства и краткую “деловитость” – негой и поэзией дитяти, так и хочется добавить – его безгрешностью и святостью. В самом деле, эта задача не только культурная, но и религиозная: через “материнское чрево”, эту таинственную “землю” бытия нашего, может пролиться религия “ощущений”, взамен религии “сознания”...» [Розанов, 1992: с. 189].

Вселенское самоутверждение женщины происходит через роды. «[...] Роды, именно человеческие роды, лежат в центре космогонии» [Розанов, 1990с: с. 407]. Розанов обращается к «Апокалипсису», к видению о жене, облеченной в солнце, и трактует это видение в духе своей философии: «Пути физиологии суть пути космические, – и “роды женщины” поставлены впереди “солнца, луны и звезд”. [...] Действительно: тут показано, в видении Апокалипсиса, что

и луна, и звезды, и солнце – все для облегчения “родов”. *Жизнь поставлена выше всего*. И именно – жизнь человека» [Розанов, 1990с: с. 408].

Человечество ведет постоянный диалог с миром. Можно общаться со вселенной посредством слова, прежде всего – слова литературного, но можно – и посредством деторождения: «Рождаемость не есть ли тоже *выговариваемость* себя миру... Молчаливые люди и не литературные народы и не имеют других слов к миру, как через детей. Подняв новорожденного на руки, молодая мать может сказать: “Вот мой пророческий глагол”» [Розанов, 1990с: с. 146].

Прославление Женственности и материнства перетекает в восхваление брака. Критикуя христианский антифеминизм, Розанов заявляет: «Вот! “Не надо Евы”. До чего явен бунт против Бога, не *со стороны* откуда-то, но из *Адама же* извлекшего жену ему, и тем показавшего, какое это *внутреннее существо* вещей, не придуманное, не постороннее, не случайное. “Уже в тебе, Адам, – *есть Ева*: которая и выходит во благовремени” (= брак)» [Розанов, 1990а: с. 21]. Брачность, таким образом, принадлежит внутренней сущности человека.

Через таинство брака человек приближается к постижению собственной экзистенции: «Брак есть не только таинство, но и величайшее из таинств: рождаясь, умирая и наконец вступая в брачную, т. е. глубочайшую связь с человеком и человечеством, каждый из нас подходит к краю индивидуального бытия своего, он стоит на берегу неисследимых оснований личного своего существования, понять которые никогда не может и только инстинктивно, содрогаясь и благоговей, ищет освятить их в религии» [Розанов, 1992: с. 45].

Таинством является отнюдь не обряд бракосочетания, но вся жизнь в браке: «Мысль брака именно в этом: нигде не сказано – “венчание есть таинство”, да и само собой разумеется, что никакое “слово-глаголание” не есть таинство, потому что оно “не” таинственно, “не” мистично, потому что оно до глубины постижимо и до дна рационально. “Таинством” назван “брак”, т. е. самое прохождение жизни брачной, что открывается назавтра после венчания и оканчивается с могилой; “таинственные”, нерациональные, “мистичны” расчленения человека в семью, вчерашнего юноши – в завтрашнего “отца” и “дитя”, вчерашней девушки, – в “дитя” и “мать”. Вот – тайна, вот – непостижимое, и вот – религия» [Розанов, 1992: с. 186–187].

Поэтому каждый брак есть священный брак. Развивая эту идею, Розанов приходит к мысли, что начало брачной жизни молодые должны проводить в храме, где венчались: «Мне представлялась ночь, и половина храма с открытым куполом, под *звездами*, среди которого поднимаются небольшие деревца и цветы, посаженные в почву по дорожкам, откуда вынуты половицы пола и насыпана черная земля. Вот тут-то, среди цветов и деревьев и под звездами, *в природе* и вместе с тем *во храме*, юные проводят неделю, две, три, четыре... [...] Они остаются здесь до ясно обозначившейся беременно-

сти» [Розанов, 1990с: с. 101]. Тут отчетливо видно, что для освящения совокуплений и зачатий Розанову требуется синтез христианства с религиозной природы.

Такой синтез дает на выходе религию семьи и совокупления: «Нет высшей красоты религии, нежели религия семьи. Но тогда и семья, т. е. в кровности своей, в плотскости своей, в своей очевидной телесной зависимости и связности, не есть ли также, обоюдно и взамен, религия? Т. е. если столь очевидно религия льется из плотских отношений, то и обратно – нет ли религиозности в самых плотских отношениях? в их фактуре? Все это безмолвно и для всех неощутимо выражено в самом институте “брака”: он и есть теитизация пола; т. е. это не только факт склонения человека перед полом до культа, до религии, но это – самую церковь выраженное признание, что тут возможно религиозное склонение, т. е. что начала пола не только не враждебны или не сторонни для нее, но и, напротив, существенно входят в нее. Если “брак” есть или может быть “религиозен”, – то, конечно, потому и при том лишь условия, что “религия” имеет что-либо в себе “половое”. Пол теитизируется: это дает эфирнейший цветок бытия – семью; но и теизм непременно и сейчас же сексуализируется: мы становимся целомудренно-возвышенны в браке, но (по-видимому) низводя к чему-то несколько земному и даже чуть грязному – религию (такой вот сексуальный кенозис! – Авт.). Возможно ли это? можно ли подниматься к Богу средствами понижения Его? Не “возможно” только – но факт: земная Мать, в самом деле, в подробностях своего материнства – как посредство между “Небесным Отцом” и небесным же, но и вместе “Человеческим Сыном”. Тайна Боговоплощения: «Слово – Плоть бысть и вселися в ны» [Розанов, 1990с: с. 452–453].

Прославляя и возвеличивая семью, Розанов прибегает и к вполне нищевским аргументам: существует иерархия форм жизни, градация их по степени аристократизма; семья же занимает в этой иерархии высшее место. «Семья есть самая *аристократическая* форма жизни... Да! – при несчастиях, ошибках, “случаях” [...] все-таки это единственная аристократическая форма жизни. *Семейный* сапожник не только счастливее, но он “вельможнее” министра, “расходующего не менее 500 руб. при всяком докладе” <...>» [Розанов, 1990с: с. 60].

Однако как ни хорош, как ни свят, как ни аристократичен брак, но по отношению к любви он вторичен, занимает (должен занимать в идеале) подчиненное положение: «Бог сотворил любовь. Адам и Ева были в *любви* – и по *сему*, единственно, Библия их нарекла *иш* и *иша* (“сопряженные”), *муж* и *жена*. Любовь древнее “закона брачного”. И понятно, что древнейшее и основное не умеет покориться новому и прибавочному» [Розанов, 1990с: с. 280]. Христианству вменяется в вину переворачивание с ног на голову отношений между любовью и браком:

«Покорить брак закону любви...

казалось бы, в этом ведь христианство: все покорять закону согласия, мира, тишины. Но, именно, в христианстве, – не в мусульманстве, не в еврействе, – две тысячи лет бьется другой принцип:

Покорить любовь закону брака.

И все в этом задыхаются» [Розанов, 1990с: с. 279].

Подчинение брака закону любви требует свободы развода, и Розанов выступает за такую свободу. Он просто воспекает развод: «Развод – регулятор брака, тела его, души его» [Розанов, 1990с: с. 296]. И еще: «Супружество как замок и дужка: если чуть-чуть не подходят – то можно только бросить. “Отпереть нельзя”, “запереть нельзя”, “сохранить имущество нельзя”. Только бросить (расторжение брака, развод)» [Розанов, 1990с: с. 348].

Впрочем, Розанов не отличается особой последовательностью. Разговоры о соотношении любви и брака – разговорами, но стремление подчинить любовь закону брачному оказывается слишком соблазнительным. Тем более что временами так хочется побыть моралистом, позаботиться о молодом поколении. Ведь происходят кошмарные вещи: «[...] Приблизительно с VI класса гимназии *все* учащиеся вступают в полосу перемежающегося с проституцией онанизма. Одно, – или другое. Не одно, – *так* другое. Не оба ли, однако, ужасны?» [Розанов, 1990с: с. 196]. Средство спасения – как можно более ранние браки. И даже принудительные браки: «[...] не только *разрешен* бы был брак гимназистам и гимназисткам, но он был бы вообще *обязательным* для 16-ти (юношам) и 14 1/2 (чтобы не испортилось именно *воображение*) лет девушкам [...]» [Розанов, 1990с: с. 197]. Молодежь при этом лишается какого бы то ни было намека на собственную волю. Все решается чисто по-русски – с обязательным привлечением начальства: «[...] и чтобы соблюдение этого было предоставлено согласованным усилиям родителей и начальств учебных заведений, но обеими сторонами – *непрерывно* исполнено» [Розанов, 1990с]. Розанов сочувственно цитирует великолепное высказывание одного родителя: «Надо выдавать дочь, пока *она еще не стала выбирать*» [Розанов, 1990с].

А как же любовь? Никак. Стерпится – слюбится. «В самом деле, “мечта” и “роман” могут поместиться и внутрь брака, настать “потом”, в супружестве. Ведь женится же *обязательно* все сплошь духовенство перед посвящением. И – ничего. Не стонут. И даже “плодовитое духовенство” одно поддерживает честь русской рождаемости (как видим, самое главное – все же отнюдь не чувства, а размножение. – Авт.). Вообще “роман”, конечно, важен и его не отрицаю: но только мне хочется, чтобы он не был воздушным, а хлебным. Поразительная история “изнасилований” и “соблазнений” почти в одно слово говорит примерами, что к первому “посягнувшему” девушка чувствует на всю жизнь необыкновенную привязанность, которую не погашают все последующие невольные связи, “перехождения из рук в руки”,

и вся вообще ужасная судьба. И “первый”, собственно, остается мужем, а последующие – безвпечатлительны. Этот закон до такой степени всеобщ, что именно на нем нужно установить норму супружества *в стране*: пробудится любовь непременно к первому, и сохранится на всю жизнь, если “да” было произнесено без отвращения, искренно, хотя бы и без пыла и “романа”» [Розанов, 1990с].

Вообще морализм в Розанове (хоть и слыл бедняга *порнографическим писателем*) довольно силен и лишь в одном случае отступает всегда и безоговорочно: когда речь идет о деторождении. Вот, скажем, внебрачные связи. Они безусловно сомнительны. Но должны же и незамужние иметь детей. Поэтому «закон должен, напр., сказать: “После 30 лет сохранение девства не обязательно, и материнство не несет никакого порицания, а ребенок – законен” [Розанов, 1990с: с. 281]. И еще на ту же тему: «Не говоря о мужчине, которому за тайной “все дозволено”, но как вы убедите девушку, что ей “не дозволено”, и она не может иметь детей, не “дождавшись” мужа, когда она “его ждала” до 25, до 30, до 35 лет: и, наконец, до каких же пор “дождаться” – до прекращения месячных, когда рождение уже невозможно??? До *каких* лет дождаться – это должно быть оговорено и в светских законах, и в церковных правилах. Ведь совершенно явно, что она должна еще до прекращения месячных “исполнить закон земли”» [Розанов, 1990с: с. 346].

Во имя поголовного торжества рождаемости Розанов готов и многоженство поприветствовать. По его мнению, оно способно помочь пристроить к делу всех некрасивых женщин: «Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот *где* настоящее “монашество”, как “жертва Богу”) заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые “никому не понадобились”, “никому не нравятся”, некрасивеньких, слабеньких, невидненьких: но “тяжких бремени” не надо возлагать, и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет благословенно *между прочим именно и за это*, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических “сирот”, космическое “убожество”, производя от него иногда красивейшие лозы: ибо “убогие” с лица своего, *в поле* бывают часто гениальны, восприимчивы, страстны, “похотливы”» [Розанов, 1990а: с. 17].

Вообще бросается в глаза одна деталь: Розанов постоянно апеллирует к *природе*, к *естеству*, но по-настоящему опереться на природное не может, ибо он *слишком социален*; поэтому все проявления природного ему непременно надо согласовать с волей социума, государства, церкви. Розанов строит эротическую утопию, которая непременно требует переустройства общественных порядков. И что бы мыслитель ни говорил о свободе, он не желает освобождения Эроса. Он хочет жестко и принудительно подчинить эротику закону и правилу. Только закон и правило должны быть изобретены им самим.

Итак, каждое движение либидо, Эроса, инстинкта размножения в обществе должно быть упорядочено. Прежде всего – через брак. Даже те явления, которые явно противоположны браку, должны обрести хоть какое-то подобие его. Тогда они могут быть допущены.

Пример – проституция. Она дурна: «"Продажная любовь" есть поистине гнусность, которая должна быть истреблена пушками (моя гимназическая мечта), порохом и ножом» [Розанов, 1990с: с. 342]. Но исторический опыт показывает, что она неистребима. Следовательно, ее нужно улучшить, исправить и разрешить, узаконить. «...В разряд этот войдут вообще все женщины страны, – или города, большого села, – неспособные к единобрачию, неспособные к правде и высоте и крепости единобрачия. Они не должны быть ни порицаемы, ни хвалимы. Они – просто *факт*. Но они очень должны наблюдать себя, свою телесную чистоту, свое нервное (полное) спокойствие. Они должны быть постоянно свежи: от этого изгоняется каждая, принявшая двух в один вечер (теперь сплошь и рядом), принявшая кого-нибудь в дни своего "месячного очищения", и вообще в "непозволенные дни" (Розанов хочет установить жесткое расписание работы проститутки. – *Авт.*). Через это "кабак" проституции устранится, а "душа проституции", которая *есть*, выберется из-под мусора. Разумеется, у них должны быть дети, вообще они должны быть детные. Они – семьянинки: "но – вдовствующие" с каждым утром и каждый вечер "вновь выходящие замуж" (психология, чувство самосознания, отнюдь не убитое и не умаленное)» [Розанов, 1990с: с. 343].

Магистральная тема всей розановской эротической философии – Эрос и религия, пол и религия. Мы касались ее постоянно, но теперь пришла пора более подробного разговора.

Розанов безусловно религиозный философ. Как пишет Т. П. Буслакова, «Розанов всегда был верующим человеком. Его религиозность имела характерные особенности, наложившие отпечаток на всю систему его взглядов. Он писал о том, что только в религии может полностью выразиться природа человека как существа духовного, способного к "росту", обладающего неисчерпаемыми творческими возможностями. Духовную жизнь он понимал как мистическое общение с высшим началом, "Своим Богом". Собственную творческую роль он видел близкой к медиумической, считал себя уникальным явлением, в связи с этим придавал своим мыслям значение истинного достояния» [Русские писатели, 1990: с. 195].

При этом Розанов утверждает прямое тождество эротической и религиозной сфер бытия. Он опирается на наблюдение психиатров, свидетельствующие о совпадении у многих больных эротического и религиозного бреда. «Поэтому как только "эротический бред" путается с "религиозным бредом" – мы заключаем с неизбежностью, что "та капля" и "эта капля" – из *одного моря!* [...] Если "бредовые", т. е. нелепые явления, лежат тем не менее *рядом*: то, очевидно, *ясные* и *спокойные* явления двух этих порядков текут не

только рядом же, но это есть даже *одна текущая река, одни воды*, дающие в одной части *спокойную и ясную религию*, как наше *отношение к Богу*, как *связь с Небом*, как чувство Судьбы и Провидения, как мистику и трепет перед “миром Иным”, “миром Еще”, поверх эмпирической, наличной действительности; и в другой части влекущие к сближению, к совоплощению, к рождению детей, к жизни бесконечной здесь на земле...» [Розанов, 1990а: с. 68–69]. Эротическая сфера составляет «очаги рождения», «недра мира», «*мировой зародыш, зародышевое начало мира, зародышевую сущность мира*» [Розанов, 1990а: с. 69].

Розанов видит в мире действие двух сил – Эроса и Танатоса. От первого – «цветы, плоды, радость мира», от второго – «смерть, самоожжение, *гарь* (у русских), могила» [Розанов, 1990а: с. 3]. Эросу и Танатосу соответствуют два разных типа религиозности. Один освящает земную жизнь (и, соответственно, земную эротику), второй – борется со всем земным. Уже у древних народов этот тип религии «*требовал уничтожения той силы, которая служила к продолжению существования на земле человеческого рода, – половой силы*» [Розанов, 1990а]. Противозэротическая религия (вера Молоха и Астарты) связана с патологиями пола: «[...] ощущение Молоха (и Астарты) не присуще *сплошь человеческому роду*, а некоторым как бы *вкрапленным* в человеческую породу *частицам*, индивидуумам, душам, которые *врожденно неспособны к браку и никогда не будут иметь детей*, хотя и имеют детородную систему внешне правильно выраженную» [Розанов, 1990а: с. 3–4]. (Розанов отрицает, помимо всего прочего, религию Девы.)

Типы религии базируются на типах человеческих характеров – лунном и солнечном: «Солнце – супружество (совоплощение), солнце – факт, действительность. Луна – вечное “обещание”, греза, томление, ожидание, надежда: что-то совершенно *противоположное действительному*, и – очень *спиритуалистическое!*» [Розанов, 1990а: с. 10]. Солнечные люди – люди с нормальной сексуальностью, «люди лунного света» – духовные содомиты.

Почему луна и солнце? Потому что Розанов пытается построить религию природы, явственно тяготеющую к язычеству. По определению Г. Флоровского, «Розанов религиозно противится христианству, его антихристианство есть только иная религия, и он религиозно отступает в дохристианские культы, возвращается к почитанию стихий и стихии, к религии рождающих сил» [Флоровский, 1991: с. 461]. А вот что говорит современный исследователь: «[...] Идеи Розанова являются своеобразным языческим гимном половой любви» [Макутон, 1997: с. 141].

Центром розановского квази-язычества становится солнцепоклонничество (снова прорыв к восточнославянской мифологии). Солнце – источник всякой жизненной силы [Розанов, 1990с: с. 415, 401–402; Розанов, 1990а: с. 10], ось поюстороннего мира – мира торжествующей жизни. В системе религии природы солнцу противостоит луна («солнце мертвых») как ось мира потустороннего, который суть не-жизнь, анти-жизнь. Име-

ется еще и внешнее противопоставление: вся религия природы (с внутренним противоречием луны и солнца) антагонистична христианству, а солнце антагонистично Христу (здесь разрыв с русской православной традицией, поскольку в русских богослужебных книгах Христос именуется «праведным солнцем», «солнцем правды» [Успенский, 1982: с. 218, прим. 7]). Если солнце – сила, то Христос – бессилие мира, воплощение мироотрицания, нигилизма [Розанов, 1990с: с. 414–415]. Так и сталкиваются сила с бессилием:

«Попробуйте распять солнце,
И вы увидите – который Бог» [Розанов, 1990с: с. 436].

Розанов также постоянно декларирует свою приверженность Ветхому Завету. И опять-таки противопоставляет Ветхий Завет – Новому. Религия Евангелия – религия чуда, религия сверхприродного. Это-то Розанова и отталкивает: «Отроду я никогда не любил читать Евангелия. Не влекло. Читал – учась и потом, – но ничего особенного не находил. Чудеса (все “победы” над природой) меня не поражали и даже не занимали» [Розанов, 1990с: с. 143].

Иное дело – Ветхий Завет: «[...] Ветхим Заветом я не мог насытиться: все там мне казалось *правдой* и каким-то необыкновенно *теплым*, точно внутри слов и строк *струится кровь*, при том родная!» [Розанов, 1990с]. Но понимание ветхозаветной религии было неадекватным, ибо текло в русле религии природы: «Из Нового Завета Розанов отступает в Ветхий, но и Ветхий Завет он понимает по-своему, избирательно, прихотливо. Он находит в Библии только сказания о родах и рождениях, только песнь страсти и любви. Он читает и эту ветхозаветную книгу не библейскими глазами, а глазами скорее восточного язычника, служителя какого-нибудь оргиастического культа» [Флоровский, 1991: с. 461].

Вообще Восток для Розанова укладывается в понятие «детородильная религия, т. е. религия “животная”, “живота нашего”, “поясницы нашей”» [Розанов, 1990с: с. 469]. Соответственно, вся религия евреев оказывается «священной физиологией», религией рода и семьи, благословляющей «священное размножение». Книги Ветхого Завета «сплошь строками своими, и сплошь о всякой семье, и сплошь о всем физиологическом, живом, биологическом, говорят как о святом. Термин “святое” приложен только к семени: но чувством “святое” облито, обернуто и все, что *около* семени и происходит *от* семени» [Розанов, 1990с: с. 459]. В еврейской религии понятия «неприличное» (относящееся к сокровенным тайнам пола) и «святое» совпадают» [Розанов, 1990с: с. 39–42].

Здесь вновь противопоставление:

«1) у христиан все “неприличное” – и по мере того как “неприличие” *увеличивается* – уходит в “грех”, в “дурное”, в “скверну”, “гадкое”: так что

уже *само собою* и без комментариев, указаний и доказательств, *без теории*, сфера половой жизни и половых органов, – этот отдел мировой застенчивости, мировой скрываемости, – *пала в преисподнюю* “исчадия сатанизма”, “дьявольщины”, в основе же – “ужасной, невыносимой *мерзости*”, “мировой *вони*”.

2) у евреев мысль *приучена* к тому, что “неприличное” (для речи, глаза и мысли) вовсе не оценивает внутренних качеств вещи, ничего не говорит о содержании ее; так как есть одно, вечно “под руками”, всем известное, ритуальное, еженедельное (рассуждения философа вращаются тут вокруг обряда миквы. – *Авт.*), что, будучи “верхом неприличия” в названии, никогда *вслух не произносятся*, – в то же время “свято”» [Розанов, 1990с: с. 40].

Христианство обвиняется в неприятии пола:

«”Христианство и не за пол, и не против пола, а перенесло человека совершенно в *другую плоскость*” (Флор.)

– Хозяин *не* против ремонта дома и не за ремонт: а занимается библиографией.

Мне кажется – дом-то развалится. И хотя “библиография” не противоречит домоводству: однако его съедает» [Розанов, 1990с: с. 312].

Христианство – «плюс-минус ноль» пола: «[...] как только в половом месте вы поставили *значущую величину*, все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь* – вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианизм» [Парамонов: с. 58]. Рождение Христа было отменой рождений: «Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения, – т. е. та древнейшая часть *всех* религий, тот ее *первый* камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, – так как *сам* Христос явился как бы *последний рожденный со славою* женами человеческими, после Которого прекратились *настоящие* рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости» [Парамонов: с. 16].

В Евангелиях присутствует освящение семьи (религия Вифлеема), но христианство все время стремится отречься от этой своей основы: «Бесспорно, что в существо христианства (“во-площается”) входит именно просветление пола и полового; что тайна – почему Слово предвечное не сошло на землю “по радуге” или не “слилось” с логическим сознанием какого-нибудь раввина, но избрало “материнские” до этого пути, в их подробностях и частностях, – очевидно, это содержит в себе такое освящение начал “материнства” и “семьи”, о коем лишь смутно гадали многодумные “волхвы”, не смея надеяться, – и в Вифлеем они притекли “поклониться” исполнению своих дум [...] Вот евангельская часть освящения “брака”, в его реальном существе, не только не противоречащая положительному ветхозаветному учению о поле, но и раздвигающая его до небесных черт.

Но, мы говорим, “Разум” Аристотеля все это рано вытеснил; и именно вифлеемская часть Евангелия не получила себе катехизиса. Вопреки объявлению: “Слово – плоть бысть”, мы разорвали “плоть” и “слово” в себе и у себя и отнесли их на противоположные полюсы. Тотчас, как это совершилось, брак свелся к номинализму и семья – к фикции; без света религии в таинственных “завязях” бытия своего человек неудержимо стал загнивать в них <...>» [Розанов, 1992: с. 186].

Христианство ниспровергло религию рода, ибо христианская эсхатология, христианская идея индивидуального бессмертия противоречат идее бессмертия родового: «[...] “Мертвым” совершенно незачем исходить из могил, потому что земля не пустынна, на могилах выросли новые цветы, с памятью первых, с благоговением к первым, даже *в сущности повторяющие в себе тех первых*. Смерть есть не смерть *окончательная*, а только способ *обновления*: ведь в детях в точности *я живу*, в них живет *моя кровь и тело*, и, следовательно, буквально *я не умираю вовсе*, а умирает только мое *сегодняшнее имя*. Тело же и кровь *продолжают жить*; и в *их детях* – снова, и затем опять в детях – *вечно!* Только бы, значит, “рождалось”, и – “я никогда не умру”. Точно “снимаются сапоги”: “одни сапоги”, “другие сапоги”... а “ходит в них – один”. Этот “один некто” и есть “Адам” – «я» – “бесконечный потомок наш”, меняющий паспорт, меняющий лица, ремесла и обитаемые страны, учащийся или хлебопашествующий, несчастный или счастливый, но – “один”. Таким образом, смерть – у правильных субъектов и при правильной жизни безболезненная (склероз артерий, лопнувший сосуд и смерть даже без крика, без вздоха, без *всякого ощущения*) – есть просто *способ вечно обновленного* и, следовательно, вечно *молодого, юного лица* земли в сущности при том же *ее обитателе*, при одном *жителе*... При этом зачем же покойникам “выходить из могил, когда они преспокойно *продолжают жить на ней*, но не в старом и тягостном для себя самих состоянии, а в чрезвычайно счастливом состоянии полного мужества, цветущей юности и беззаботного детства!”» [Розанов, 1990а: с. 70–71].

Как видим, по Розанову, множество отдельных людей есть только совокупность масок одной единой духовной сущности – Адама Кадмона. Первый Адам не умер, не исчез. Он как бы раздробил свою плоть на мириады частных плотей, но по-прежнему одушевляет собой их все (концепция, знакомая и православной византийской философии). Поэтому смерть – только фикция, игра, карнавал с непрерывной сменой личин и маскарадных костюмов. Христианство же порывается убить Адама, превратить маски в отдельные вечные сущности. В этом – великая историческая неправда, неправота христианства.

Розанов ухватывает здесь вполне реальное противоречие, существующее в культуре. Да, есть в православии идея единой духовной сущности, составными частями которой являются индивидуальные души. Но именно этим

индивидуальным душам придается все большее и большее значение (особенно под влиянием европеизации). В то же время в русской культуре присутствует и подспудное стремление к утверждению максимального единства отдельных душ. И Розанов убежден, что подобное утверждение возможно лишь за рамками христианства.

Процесс сотворения мира непрерывен. Он перманентно длится в рождениях (прежде всего человеческих, но и не только): «"Творение" (шестидневное) окончилось, когда сотворенная последняя вещь понесла в себе "дыхание жизни" и стала "творческой", т. е. "суббота" мироздания перешла в "субботу" брака, продолжающую мироздание и по сейчас [...]» [Розанов, 1992: с. 187]. Поэтому аскетическое христианство акосмично: «Христианство не космологично, "на нем трава не растет". И скот от него не множится, не плодится» [Розанов, 1990с: с. 401]. И брак христианство выхолащивает, лишает подлинной космической сущности. В центр космогонии должны быть поставлены роды, а Христос проповедует скопчество ради Царства Небесного [Розанов, 1990с: с. 407]. «"Дела плоти" и суть космогония, а "дела духа" приблизительно выдумка. И Христос, занявшись «делами духа», – занялся чем-то в мире побочным, второстепенным, дробным, частным. Он взял себе "обстоятельства образа действия", а не самый "образ действия", – т. е. взял он не *сказуемого* того предложения, которое составляет всемирную историю и человеческую жизнь, а – только одни *обстоятельственные, теневые, штриховые* слова. "Сказуемое" – это еда, питье, совокупление. О всем этом Иисус сказал, что – "грешно", и – что "дела плоти соблазняют вас". Но если бы "*не соблазняли*" – человек и человечество умерли бы» [Розанов, 1990с].

В итоге Христос у Розанова оказывается агентом Ничто в мире сущем: «[...] Да, Христос мог описывать "красоту полевых лилий", призвать слушать себя "Марию сестру Лазаря"; но Христос не посадил дерева, не вырастил из себя травки; и вообще он "без зерна мира", без – *ядер*, без – *икры*; не травянист, не животен; в сущности – не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле. Тенистость, тенность, пустынность Его, небытийственность – сущность Его. Как будто это – только Имя, "рассказ"» [Розанов, 1990с: с. 400].

За противостоянием иудаизма и христианства, по Розанову, скрывается битва богов, бунт Сына против Отца. «Ты один прекрасен. Господи Иисусе! И похулил мир красотой Своею. А ведь мир-то – Божий. Зачем же Ты сказал: "Я и Отец – *одно*"? Вы не только не "*одно*", а ты – *идешь на Него*. И сделал что Сатурн с Ураном. Ты оскотил Его. И только чтобы оскотить – и пришел. Вот! вот! вот! – наконец-то разгадка слов о скопчестве. И что в Евангелии уже не "любят", а живут как "Ангелы Божии" [...] Вообще, все очень мило в Твоем создании, поистине – особом "от Отца". Люди более не посягают, не любят, не множатся. А все слушают Тебя, как эта бедная Мария» [Розанов, 1990с: с. 414].

Розанов заявляет, будто Сын явился, чтобы вытеснить Отца, заместить Его, занять Его место. Это, по его мнению, видно из оскудения «молитвенности» в Евангелиях: «[...] Мы не слышим молитв и любящих излиятий сердца именно Христа к Отцу Своему, что так естественно бы от Сына, что так ожидалось бы от Сына. Люди молятся, но Христос не молится. [...] Но именно Отец Небесный загадочно уже на ум никому не приходит: только – **Сын**, везде – **Сын**, заменяющий Отца...» [Розанов, 1990с: с. 428].

Здесь Розанов демонстрирует неожиданно точное понимание русской архетипической ситуации. В христианизированной (псевдохристианской, квази-христианской) культуре Сын действительно заменяет Отца подле Матери, причем оскопляет не только родителя, но производит самооскопление (идеология русских традиционных сект). И чтобы исправить ситуацию необходимо вновь заменить Сына возрожденным Отцом. Но псевдохристианская культура ни подобной замены не производит (такая замена превратила бы ее в просто *не-христианскую* культуру), ни к ортодоксально-христианскому восприятию троичности Божества не обращается.

Розанов пытается также объяснить, почему появляется Сын. По мнению мыслителя, Сын свидетельствует о сущностной неполноте Отца. Бог, собственно, и не может быть полон. Он – точка, из которой разворачивается мир: «Все “разворачивается” из “точки” в “окружность”. И вот мир из “точки Бога” развернулся в “красоту-мироздание”. И где же “в мире” нет “Бога”? И где же “в Боге” – нет “мира”? И вот они связаны. “Religio”... Молитва. Нет вещи, которая бы не “молилась”, потому что она – “растет”. И знает, что “из точки” растет, из – *отцовской* точки» [Розанов, 1990с: с. 415]. Бог – толчок к развитию и росту, двигатель развития и роста: «Бог – не бытие. Не всемогущество. Бог – “первое веяние”, “утро”. Из которого все – “потом”» [Розанов, 1990с]. (Тут явное сходство с некоторыми размышлениями Ницше.)

Поскольку рост, развитие, становление непрерывны, поскольку всегда может появиться нечто новое, постольку потенциально возможен и Сын. В какой-то момент становления творение как бы перерастает Творца, оно выходит за собственные рамки и границы, начинает отрицать само себя и Создателя, иссякает в этом отрицании. Вот тогда-то приходит Сын – завершитель. «Нет явно, что сын мог бы “прийти”, только чтобы “восполнить отца” как несовершенного, лишенного полноты и вообще недостаточного. Без онтологической недостаточности отца не может быть сына, хотя бы отец и был “вечно рождающим” и даже только в сути своей именно “рождающим”. Но он “рождает мир” и, наконец, имеет дар, силу и красоту рождения, хотя бы даже без выражения ее на земле или в истории. Вернее, он именно *продолжает* и доселе сотворять мир, *соучаствуя* всем *тварям* без исключения в родах их: составляет *нерв* и *нить* ихних родов, от цветка и до человека, без преимущества цветку или человеку. Но чтобы “появился сын” как имянность и лицо, то это могло бы быть только, чтобы сказать нечто *новое* земле и *совершить* на ней

тоже *новое*. Без новизны нет сына. Сказать *иное* от отца и именно отличное отца – вот для чего мог бы “прийти” сын. Без противоречия отцу не может быть и сына» [Розанов, 1990с: с. 424].

Итак, Сын – иное. Но что иное? Если отец – рождающий Эрос, то кто же Сын? Танатос? Ведь конфликт развертывается вокруг пола, совокупления, рождения: «Христианство так же выразило собою и открыло миру внутреннее содержание бессеменности, как юдаизм и Ветхий Завет раскрыли семенность. Там – все семя, от семени начато, к семени ведет, семя собою благословляет. Здесь все отвращает от семени, как само лишено его. “Нет более *мужеск* и *женск* пол”, но – “человек”. И несть “эллин и иудей”, нет племен, наций» [Розанов, 1990с: с. 190]. Якобы лишненное начал пола и плодородия, христианство объявляется Розановым религией смерти.

Таким образом, Розанов доводит до логического завершения присущую русской культуре тенденцию к обожествлению мира. Аскетическое мироотрицание, достаточно сильно выраженное в православии, ему абсолютно чуждо. И вполне понятно возмущение Г. Флоровского: «Натурализм Розанова никак нельзя назвать “христианским”, да и может ли быть христианский натурализм. Розанов приемлет мир, как он дан, не потому, ведь, что он уже спасен, но потому, что он и не нуждается собственно в спасении, – ибо самое бытие добро зело, вот это “сырое вещество земли”. И именно этот не преобразенный мир так Розанову дорог, что ради него он отвергает Иисуса. Ибо во сладости Иисусовой прогорк мир... В христианстве невозможна языческая радость, невозможна уже стихийная жизнь, – вот почему Розанов считает христианство умерщвляющим, и договаривается до “Темного Лица”...» [Флоровский, 1991: с. 460–461].

Подведем итоги. Учение Розанова часто называют пантеистическим. Выше уже приводилась точка зрения В. А. Кувакина [Кувакин, 1980: с. 64]. Подобных же взглядов придерживались Н. О. Лосский [Лосский, 1991: с. 437] и ряд других исследователей. В то же время такую трактовку розановской философии решительно отвергал В. В. Зеньковский. По его мнению, определение Розанова как пантеиста связано с неверной трактовкой любви философа к естеству, природе [Зеньковский, 1991: т. 1, ч. 2, с. 271]. Сам В. В. Зеньковский полагал, что Розанов куда ближе к теизму [Зеньковский, 1991: с. 276]. Однако исследователь признавал, что у Розанова имеются высказывания, которые могут быть истолкованы в пантеистическом духе. Мы же считаем, что *Розанов колебался между теизмом и пантеизмом*. Поэтому правомерно говорить о *пантеистической тенденции* в философии Розанова, базирующейся на *идее эротического взаимопроникновения Бога и мира*. Уместно также вслед за В. В. Зеньковским говорить о *космоцентризме* (или, может быть, о *космизме*) и *биоцентризме* Розанова [Зеньковский, 1991: с. 272]. Но наиболее заметной чертой розановского учения является *крайний пансексуализм*, утверждаемый философом с маниакальной последовательностью.

Огромную роль в розановских построениях играет *архетип Матери*. Однако курс на утверждение земной любви требует либо эротизации Матери, либо замены Матери Девой. Но архетипическая ситуация в русской культуре такова, что эротизация Матери влечет за собой усиление инцестуозных интенций. Ведь русские космология и космогония то явно, то неявно базируются на архетипической связке *Мать – Сын*. Чтобы избежать этого, нужно на место связки *Мать – Сын* поставить связку *Мать – Отец*. Розанов смело (временами даже слишком смело) идет по пути *эротизации материнского архетипа*, пытаясь при этом опереться на связку *Мать – Отец*.

Ведущей тенденцией религиозного творчества мыслителя является *антихристианская тенденция*. Но, объективности ради, следует отметить, что у Розанова имеются также тексты, в которых христианству вообще и православию в частности дается положительная оценка. Да и умер философ вполне примирившись с православием [Лосский, 1991: с. 437–438].

Впрочем, мыслитель вообще не отличался последовательностью. Скажем, «несмотря на восхваление Ветхого завета, Розанов одно время выступал как антисемит» [Лосский, 1991: с. 437]. Подобная переменчивость часто давала основания для негативной оценки его личных качеств. К примеру, Н. О. Лосский полагал, что «такая двойственность его позиции объяснялась беспринципностью» [Лосский, 1991].

Насколько Розанов в действительности был беспринципен, мы судить не беремся, однако его выступления против христианства обуславливались как раз следованием определенным принципам. *Философ брал на себя функции радикального идеолога мистико-эротической революции и пророка новой религии собственного изготовления* (на занятия Розанова религиозным конструированием обратил внимание еще Г. Флоровский [Флоровский, 1991: с. 461]). Самовыражаясь в рамках свойственной русской культуре тенденции к построению этнически своей религии, Розанов попытался понять русскую веру как религию пола.

ЛИТЕРАТУРА

- Вон Кью-Кит Энциклопедия дзен / пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС. – 1999. – 400 с.
- Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т., 4 ч. – Л.: Эго. – 1991.
- Кувакин В. А. Религиозная философия в России: Начало XX века. – М.: Мысль. – 1980. – 309 с.
- Кузнецов В., Нерушева Л. Серебряный век как эпоха мистико-эротической революции // *Sententiae*. – XVI – XVIII (1-2/2007 – 1/2008). – С. 199–234.
- Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Высшая школа. – 1991. – 559 с.
- Макутон П. Я. Любовь, любовь, любовь...: Ист.-философ. очерк. – Мн.: ИП «Экоперспектива». – 1997. – 198 с.
- Парамонов Б. Американец Розанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа к тексту: http://www.users.kaluga.ru/kosmorama/param_roz.html.

- Розанов В. В.* Люди лунного света: Метафизика христианства. – М.: Дружба народов. – 1990а. – 304 с.
- Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития. – М.: Искусство. – 1990b. – 605 с.
- Розанов В. В.* Религия. Философия. Культура. – М.: Республика. – 1992. – 399 с.
- Розанов В. В.* Уединенное. – М.: Политиздат. – 1990с. – 543 с.
- Русские писатели.* Библиографический словарь. В 2 ч. / ред.-сост. П. А. Николаев. – М.: Просвещение. – 1990.
- Русская философия: Энциклопедия* / под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм. – 2007. – 736 с.
- Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. – М.: Наука. – 1982. – С. 201–235.
- Флоровский Г.* Пути русского богословия. – К.: Путь к истине. – 1991. – 600 с.

Vsevolod Kuznetsov, Applicant for PhD in philosophy at the Department of Philosophy in Vinnytsia National Technical University;

Lubov Nerusheva, Lecturer at the Department of History of Philosophy, Kotsiubynskij State Teachers' training University of Vinnytsia

Всеволод Кузнецов, аспірант кафедри філософії Вінницького національного технічного університету;

Любов Нерушева, викладач кафедри філософії Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського
